

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОПЕЧЕНИЯ ЗАПАДНОАРМЯНСКИХ
СИРОТ В ЗАКАВКАЗЬЕ (1914–1917 гг.)**

Армен С. Айрапетян

Ширакский центр арменоведческих исследований НАН, Гюмри,
Институт истории НАН РА, Ереван
Ширакский государственный университет им. М.Налбандяна, Гюмри, РА

Аннотация

Введение: Статья посвящена истории организации системы призрения западноармянских сирот в Закавказье в годы Первой мировой войны. Исследование рассматривает сиротское призрение не только как проявление гуманитарной помощи, но и как важный фактор национального самосохранения, социального восстановления и демографического воспроизводства. **Методы и материалы:** Исследование основано на анализе документов Национального архива Армении, публикаций периодической печати рассматриваемого периода, отчетов общественных и благотворительных организаций, а также на сравнительном и историко-сопоставительном изучении историографической литературы по данной проблематике. **Анализ:** Рассмотрена деятельность основных учреждений по призрению сирот, действовавших в Закавказье, в том числе «Комитета братской помощи», «Кавказского Армянского благотворительного общества», «Московского армянского комитета» и «Армянского центрального комитета». Исследованы их организационная структура, источники финансирования, образовательные и воспитательные программы, а также деятельность, направленная на социальную реабилитацию сирот. Одновременно проанализированы административные, материально-технические и педагогические проблемы, с которыми сталкивалась система сиротского призрения. **Результаты:** В 1914–1917 гг. в Закавказье сформировалась масштабная и многоуровневая система попечения о западноармянских сиротах, позволившая обеспечить физическое выживание тысяч детей, их образование и сохранение национальной идентичности. Несмотря на существовавшие трудности, армянским общественным и благотворительным организациям удалось создать эффективную сеть сиротских учреждений, сыгравшую важную роль в социальной реабилитации сирот, спасшихся от Геноцида армян.

Ключевые слова: западноармянские сироты, сиротское призрение, Закавказье, Восточная Армения, беженцы, благотворительные организации, социальная реабилитация.

Как цитировать: Айрапетян А. *Организационно-институциональные основы системы социального попечения западноармянских сирот в Закавказье (1914–1917 гг.)* // “Научные труды” ШЦАИ НАН РА. Гюмри, 2026. Т. 2 (29). 28–41сс., DOI: 10.52971/18294316-2026.29.2-28

THE ORGANIZATIONAL AND INSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF THE SOCIAL WELFARE SYSTEM FOR WESTERN ARMENIAN ORPHANS IN TRANSCAUCASIA, 1914–1917

Armen S. Hayrapetyan

Shirak Center for Armenological Studies NAS, Gyumri

Institute of History NAS, Yerevan

Shirak State University after M. Nalbandyan, Gyumri, RA

Abstract

Introduction: The article examines the history of the organization of the welfare system for Western Armenian orphans in Transcaucasia during the First World War. The study considers orphan care not only as a manifestation of humanitarian assistance but also as an important factor in national preservation, social recovery, and demographic reproduction. **Methods and Materials:** The research is based on the analysis of documents preserved in the National Archives of Armenia, periodical publications of the period under study, reports of public and charitable organizations, as well as on a comparative and historical-comparative examination of the relevant historiographical literature.

Analysis: The article explores the activities of the principal institutions engaged in orphan welfare in Transcaucasia, including the Committee of Brotherly Assistance, the Caucasian Armenian Benevolent Society, the Moscow Armenian Committee, and the Armenian Central Committee. Their organizational structures, sources of funding, educational and upbringing programs, and efforts aimed at the social rehabilitation of orphans are examined. Particular attention is also paid to the administrative, financial, logistical, and pedagogical challenges faced by the orphan care system.

Results: Between 1914 and 1917, a large-scale and multi-level system of welfare and care for Western Armenian orphans was established in Transcaucasia. This system ensured the physical survival of thousands of children, provided access to education, and contributed to the preservation of their national identity. Despite considerable difficulties, Armenian public and charitable organizations succeeded in creating an effective network of orphan institutions that played a significant role in the social rehabilitation of children who had survived the Armenian Genocide.

Key words: *Western Armenian orphans, orphan welfare, Transcaucasia, Eastern Armenia, refugees, charitable organizations, social rehabilitation.*

Citation: Hayrapetyan, A. The Organizational and Institutional Foundations of the Social Welfare System for Western Armenian Orphans in Transcaucasia (1914–1917). // "Scientific Works" of SCAS NAS RA. Gyumri, 2026, Vol. 2 (29), 28–41 pp.. DOI: 10.52971/18294316-2026.29.2-28

ВВЕДЕНИЕ: В контексте изучения истории Геноцида армян важное место занимает исследование процессов социального выживания и восстановления беженцев, спасшихся от геноцида. Среди этих проблем особое значение имеет судьба сирот, поскольку они были не только одной из наиболее уязвимых категорий жертв политики истребления, но и

впоследствии стали одним из важнейших факторов национального возрождения и демографического воспроизводства армянского народа.

Среди сотен тысяч беженцев, нашедших убежище в Восточной Армении и Закавказье в 1914–1917 гг., значительную часть составляли сироты. Их спасение, содержание, воспитание, образование и подготовка к самостоятельной жизни превратились в задачу общенационального значения, потребовавшую объединения усилий государственных, общественных, церковных и благотворительных структур. В результате сформировалась многоуровневая система призрения сирот, призванная не только обеспечить физическое выживание тысяч детей, но и сохранить их национальную, языково-культурную и религиозную идентичность, способствовать социальной реинтеграции и подготовке к будущей самостоятельной жизни. В этой связи история сиротского призрения должна рассматриваться не только как составная часть истории благотворительности, но и как важное проявление преодоления последствий Геноцида армян, национального самосохранения и общественного восстановления.

В последние десятилетия проблемы детей, переживших Геноцид армян, и системы их призрения заняли важное место в международной историографии. Кейт Дэвид Уотенпо рассматривает их в контексте развития международного гуманитарного движения и современного гуманитаризма [32], Назан Максудян — через призму истории сиротства и детской уязвимости [30], а Лерна Экмекчиоглу — в рамках процессов восстановления идентичности в постгеноцидный период [29]. Однако система призрения западноармянских сирот, сформировавшаяся в Закавказье, до сих пор не стала предметом комплексного исследования. Недостаточно изучены её организационные механизмы, источники финансирования, образовательная политика, формы взаимодействия общественных, благотворительных и международных структур.

Теоретическую основу статьи составляют подходы социальной истории, исследований постгеноцидного восстановления.

Цель исследования — на основе архивных документов, материалов периодической печати и историографических источников реконструировать основные этапы формирования системы призрения западноармянских сирот в Закавказье, выявить особенности деятельности вовлечённых организаций и определить её роль в сохранении национальной идентичности.

Формирование организационных основ системы призрения западноармянских сирот в Закавказье

В годы Первой мировой войны младотурецкое правительство, воспользовавшись благоприятной военно-политической обстановкой, реализовало программу Геноцида армян и деарменизации Западной Армении. Из порядка 2,5 млн армянского населения Османской империи выжила лишь треть. Часть уцелевших (в основном женщины и дети) подверглась насильственной исламизации на месте [29, с. 1–21], другие были депортированы в пустыни Сирии и Месопотамии, а около 300.000 человек нашли убежище в Восточной Армении и Закавказье [22, с. 19–31]. По свидетельству депутата IV Государственной думы М. Пападжаняна, 40–50 % беженцев составляли дети-сироты, около 35 % — женщины и девушки, и лишь около четверти — мужчины. Таким образом, большинство беженцев было лишено возможности к самостоятельному существованию, а забота об их содержании, размещении и продовольственном обеспечении легла на население Восточной Армении [27, с. 188].

Возникший гуманитарный кризис потребовал срочных и скоординированных мер. 30 августа 1915 г. российское правительство приняло специальное положение «О мерах по обеспечению положения беженцев», на основании которого был учреждён Особый совет по делам беженцев [15, л. 30–31]. Одновременно в Закавказье, различных городах России и за её пределами развернули активную деятельность благотворительные организации и комитеты

помощи. Несмотря на ограниченность ресурсов и организационные трудности, именно они сыграли ключевую роль в спасении и поддержке тысяч жертв Геноцида армян.

Наиболее уязвимой категорией среди беженцев были дети-сироты. Угроза гуманитарной катастрофы потребовала экстренных мер, положив начало формированию системы армянского сиротского призрения. Первоначально рассматривалась возможность передачи детей на попечение армянских семей. Однако эта практика вызвала серьёзные возражения, поскольку в послевоенный период могли возникнуть сложности с возвращением детей их родственникам. В результате было решено передавать в семьи лишь детей младшего возраста, а для остальных создавать специальные сиротские учреждения [3, с. 2].

Одними из первых организаторов сиротских приютов стали армянские женские общества. Уже в 1915 г. усилиями женских и девичьих комитетов Тифлиса были открыты 3 сиротских дома [11, л. 26–28]. Ещё 1 приют на 100 детей был создан в Шуши местным «Армянским женским комитетом» [17, л. 3–4]. К благотворительной деятельности присоединились представители армянской интеллигенции и состоятельных кругов: Юлия Таирова основала сиротский дом в Каракилисе (ныне Ванадзор) [6, с. 19], а княгиня Мариам Туманова предоставила для сирот свою дачу в Дилижане и взяла под опеку ещё 10 сиротских учреждений [26, сс. 3–4].

Важную роль в организации помощи сыграла и армянская молодёжь. В 1915 г. «Молодёжный союз» Александрополя открыл первый сиротский дом, а в следующем году при содействии «Комитета братской помощи» (далее - КБП), «Девичьего комитета» и «Кавказского армянского благотворительного общества» (далее - КАБО) учредил ещё 2 приюта [11, л. 124–125]. Эти учреждения обеспечивали детей жильём, питанием, образованием и медицинским обслуживанием.

Определённое участие в финансировании сиротских учреждений принимало и российское правительство. По ходатайству М. Пападжаняна для сирот было установлено государственное пособие: 25 руб. единовременно и 15 руб. ежемесячно [12, л. 10–11]. Для более эффективного распределения средств в 1915 г. был создан «Армянский центральный комитет» (далее - АЦК), координировавший предоставление государственной и общественной помощи сиротским учреждениям.

Сиротские учреждения были размещены примерно в 16 населённых пунктах Закавказья и зачастую действовали изолированно друг от друга. В июне–сентябре 1916 г. сеть приютов, рассчитанная примерно на 5000 сирот, охватывала Александрополь, Эривань, Ново-Баязет, Дилижан, Аштарак, Эчмиадзин, Каракилис, Тифлис, Баку и ряд других населённых пунктов [10, л. 31]. Эти данные свидетельствуют о формировании в годы войны разветвлённой системы призрения, обеспечивавшей содержание тысяч детей, спасшихся от Геноцида армян.

Вместе с тем многообразие организаций, занимавшихся сиротским призрением, порождало серьёзные проблемы управления и координации. Отдельные учреждения действовали самостоятельно, что затрудняло выработку единых образовательных и воспитательных стандартов, а также организационных принципов деятельности. В связи с этим возникла необходимость в создании централизованного координирующего органа.

С этой целью в октябре 1916 г. АЦК учредил «Сиротскую комиссию», призванную координировать деятельность приютов и осуществлять контроль за их работой [13, л. 8–9]. При комитете действовал также специальный сиротский отдел с сетью инспекторов, которые регулярно посещали учреждения, проверяли условия содержания детей и представляли отчёты руководству. Однако из-за отсутствия достаточных полномочий и авторитета деятельность комиссии оказалась ограниченной и не привела к созданию полноценной централизованной системы управления.

Особое место среди благотворительных организаций Восточной Армении занимал КБП, основанный по инициативе Католикоса всех армян Георга V в конце 1914 г. По мере углубления военного и беженского кризиса комитет значительно расширил свою деятельность, создав специализированные подразделения по оказанию медицинской помощи, организации больничного обслуживания, образованию детей-беженцев и признанию сирот.

Комитет оставался одним из крупнейших центров армянской гуманитарной деятельности вплоть до мая 1919 г., когда находившиеся под его управлением сиротские учреждения были переданы «Американскому комитету помощи Ближнему Востоку» [32, сс. 97–105]. По данным на 1916 г., КБП управлял 11 сиротскими учреждениями: два - в Эчмиадзине, 6 — в Эривани и по 1 — в Игдыре, Ново-Баязете и Нижней Ахте [11, л. 26–28]. В дальнейшем сеть подведомственных комитету приютов расширилась до 15 учреждений. [11, л. 26–28].

Несмотря на значительные усилия, предпринимавшиеся в сфере сиротского призрения, созданные в годы войны учреждения сталкивались с серьёзными организационными трудностями. Быстрое расширение сети приютов сопровождалось нехваткой квалифицированных кадров, административной неупорядоченностью и недостаточным контролем. Во многих учреждениях работали люди, не имевшие педагогической подготовки, что негативно сказывалось на воспитательном процессе и дисциплине. Наиболее остро эти проблемы проявлялись в Игдырском сиротском доме, где неоднократно фиксировались случаи нарушения внутреннего порядка и побегов воспитанников [11, л. 92].

Осознавая серьёзность ситуации, «Эриванский комитет братской помощи» предпринял меры по совершенствованию системы управления. Для надзора за деятельностью 13 сиротских учреждений Эриванской губернии была создана специальная администрация из 14 членов [11, л. 93]. Это способствовало улучшению организации повседневной жизни приютов, снабжения детей продовольствием и одеждой. Одновременно воспитанники привлекались к ремесленному обучению — рукоделию, кожевенному делу, ковроткачеству и кузнечному ремеслу, совмещая его с обучением в школе [14, л. 1].

Важное место занимали культурно-просветительские мероприятия. В приютах проводились литературные вечера, чтения и занятия самодеятельных кружков. В 1917 г. по инициативе воспитанников начал издаваться сиротский журнал «Орёл Васпуракана», ставший средством выражения их мыслей и переживаний [4, с. 2].

Одним из ключевых центров помощи западноармянским беженцам и сиротам в годы Первой мировой войны являлось Кавказское армянское благотворительное общество (КАБО). С декабря 1915 г. оно издавало еженедельник «Амбавабер», регулярно публиковавший сведения о благотворительной деятельности, сборе средств и работе сиротских учреждений. К концу 1915 г. в 12 подведомственных обществу приютах воспитывалось около 920 детей¹.

¹ Кавказское армянское благотворительное общество (КАБО) было основано в Тифлисе в ноябре 1881 г. по инициативе врача Баграта Навасардяна с целью оказания помощи армянским переселенцам, прибывшим на Кавказ после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Впоследствии общество превратилось в одну из крупнейших армянских благотворительных организаций Российской империи. КАБО оказывало поддержку армянским писателям, публицистам, художникам и музыкантам, предоставляло стипендии студентам, обучавшимся в высших учебных заведениях России и Европы, финансировало около 140 школ и издательскую деятельность, включая выпуск бесплатных учебников. В годы Первой мировой войны и в послевоенный период общество развернуло масштабную помощь армянским беженцам, открывая школы, больницы, сиротские дома и приюты, а также участвуя в сборе средств для поддержки армянских военнопленных. Деятельность КАБО была прекращена 2 марта 1921 г. после установления советской власти в Грузии.

Вместе с тем архивные документы и материалы периодической печати свидетельствуют, что деятельность КАБО также сопровождалась серьёзными управленческими проблемами. Отмечались случаи неэффективного использования средств, слабого контроля и злоупотреблений со стороны отдельных должностных лиц [20, сс. 341–364]. Особенно показательной была ситуация в сиротских учреждениях Александрополя, где руководство фактически сосредоточилось в руках председателя местного отделения КАБО священника Акопа Хачванкяна. Отсутствие действенного контроля привело к злоупотреблениям в сфере снабжения, недостаткам в организации образовательной и медицинской работы, а также к неудовлетворительным бытовым условиям в ряде приютов [11, л. 126–127].

Схожая ситуация наблюдалась и в сиротских учреждениях Ахалкалака и Ахалциха. Публикации периодической печати свидетельствуют о серьёзных недостатках в организации их работы. По данным журнала «Армения», в пище, предназначенной для воспитанников, иногда обнаруживались осколки стекла и даже иглы [23, сс. 2–3].

Тем не менее, несмотря на выявленные недостатки, Кавказское армянское благотворительное общество (КАБО) оставалось крупнейшей и наиболее влиятельной организацией, занимавшейся призрением сирот в Закавказье. Его деятельность сыграла важную роль в обеспечении содержания и выживания тысяч армянских детей, нашедших убежище как в Эриванской губернии, так и в других районах региона.

Другой значимой гуманитарной организацией стал «Московский армянский комитет» (далее — МАК), созданный в октябре 1914 г. Первоначально комитет направлял собранные за счёт членских взносов, пожертвований, благотворительных концертов и издательской деятельности средства пострадавшему населению. Впоследствии для повышения эффективности работы были сформированы 4 специальные экспедиции, направленные в Эрзрум, Ерзнка, Сарыкамыш и Александрополь для организации помощи на местах [18, л. 34]. Сотрудники комитета оказывали беженцам медицинскую помощь, обеспечивали их продовольствием и работой, занимались выявлением сирот и созданием приютов. Особенно значительным достижением стало обнаружение и возвращение в армянскую среду около 950 исламизированных детей младше 12 лет в районах Дерсима и Ерзнки [18, л. 22–23].

В период с октября 1916 г. по 1 января 1917 г. МАК создал 26 сиротских домов, в которых содержалось около 1.550 воспитанников [18, л. 38]. Поскольку многие учреждения размещались в непригодных помещениях, часть из них впоследствии была переведена в Александрополь и Джалалоглы (ныне Степанаван), где имелись более благоприятные условия для организации призрения.

Характерной особенностью деятельности МАК был сравнительно высокий уровень финансирования. Если в большинстве сиротских учреждений расходы на одного ребёнка составляли в среднем 15 руб. в месяц, то в приютах комитета этот показатель достигал 36 руб. 61 коп. [18, л. 51].

Особое внимание МАК уделял вопросам образования и воспитания детей, прежде всего их профессиональной подготовке. Воспитанники сиротских учреждений получали не только начальное образование, но и осваивали различные ремёсла, что способствовало их последующей социальной адаптации и самостоятельному существованию. Именно этим во многом объяснялась высокая оценка деятельности комитета со стороны современников [5, с. 48].

Значительную роль в организации помощи сиротам играл также АЦК. Решение о его создании было принято 14 сентября 1914 г. на съезде представителей армянских общественных организаций в Тифлисе, созванном по инициативе Кавказского армянского благотворительного

общества. Уже 16 сентября комитет был принят под покровительство Католикоса всех армян Георга V и получил официальный статус общearмянской благотворительной структуры.

Первоначально АЦК занимался оказанием помощи семьям мобилизованных и уходом за ранеными военнослужащими, однако по мере развития военных событий главным направлением его деятельности стала поддержка беженцев и сирот. Вскоре комитет превратился в одну из крупнейших организаций сиротского призрения в Закавказье².

Под непосредственным управлением АЦК находились 18 сиротских домов и больница, в которых содержалось около 1.203 детей [5, сс. 43–45]. Крупнейшим центром сиротского призрения являлся Дилижан. Благодаря благоприятным климатическим условиям сюда направлялись главным образом больные и физически истощённые дети. По состоянию на январь 1916 г. из примерно 800 воспитанников дилижанских приютов около 500 страдали кожными и другими заболеваниями [11, л. 171–178]. Поэтому особое внимание уделялось качеству питания, медицинскому наблюдению и соблюдению санитарно-гигиенических норм.

Помимо рассмотренных организаций, в оказании помощи армянским сиротам, нашедшим убежище в Восточной Армении и в Закавказье, участвовали многочисленные общественные объединения, местные комитеты, зарубежные армянские общины и международные благотворительные структуры. Сиротские дома создавались в Баку и Гандзаке на средства местных «Комитетов помощи беженцам», в Тифлисе — при поддержке «Американского комитета помощи», «Армянской общины Астрахани» и «Союза западноармянских землячеств», в Каракилисе — усилиями «Петроградского армянского комитета», а в Эчмиадзине — на средства армянской общины штата Нью-Джерси [11, л. 1–4]. Это свидетельствует о том, что проблема сиротского призрения приобрела общенациональное значение и объединила усилия местного общества, армянской диаспоры и международных гуманитарных организаций [32, сс. 94–99].

Вместе с тем многие благотворительные инициативы сталкивались с серьёзными финансовыми трудностями. Недостаток средств нередко вынуждал небольшие организации передавать находившиеся под их опекой учреждения более крупным структурам. Показателен пример Эчмиадзинского сиротского дома, содержавшегося на средства армянской общины Нью-Джерси. Несмотря на ежегодную субсидию губернских властей в размере 4.047 руб. на содержание 30 воспитанников, этих средств было недостаточно, и значительную часть расходов взял на себя «Эчмиадзинский комитет Братской помощи» [19, л. 46].

Несмотря на финансовые ограничения, система сиротского призрения продолжала расширяться. К концу 1916 г. в 64 сиротских учреждениях, действовавших в 18 населённых пунктах Закавказья, воспитывалось около 4.900 детей. Основными источниками финансирования оставались общественные пожертвования и благотворительные сборы. Для привлечения средств проводились концерты, театральные представления, выставки и общественные кампании по сбору пожертвований, ставшие важным проявлением национальной солидарности в годы войны.

Существенную поддержку оказывали и зарубежные государства, и благотворительные организации. Особенно значительной была помощь Франции, выделившей около 500 тыс. руб. сиротским учреждениям Эривани и Александрополя [1, с. 197]. Активное участие принимало и британское общество, собравшее в пользу армянских беженцев и сирот около 95 тыс. фунтов стерлингов [21, сс. 66–79]. Наибольший вклад в сбор средств внёс Фонд ар-

² Современники и последующие исследователи нередко отождествляли АЦК с КАБО, поскольку центральные органы управления обеих организаций возглавлял общественно-политический деятель С. Арутюнян.

мянских беженцев (Фонд лорда-мэра), аккумулировавший 65 тыс. фунтов стерлингов. Ещё 19 тыс. фунтов были собраны Комитетом помощи армянским беженцам, 23 тыс. — Специальным фондом сирот и 2 тыс. фунтов — Фондом Армянского Красного Креста и помощи беженцам [28, с. 126; 31, сс. 244–248]. Эти средства позволили открыть новые учреждения, в том числе сиротский сельскохозяйственно-ремесленный комплекс в Дилижане, приют для сасунских сирот в Александрополе, «Тифлисский сиротский дом Попечительства армянских девиц» и «Игдырский сиротский дом Леди Мэри» [25, с. 155].

Как правило, пожертвования, поступающие из-за рубежа, распределялись через Католикоса всех армян или Кавказское армянское благотворительное общество, которые направляли средства соответствующим учреждениям.

С конца 1916 г. углублявшийся в России экономический кризис серьезно отразился на положении беженцев и сиротских учреждений. Царское правительство сократило наполовину государственные пособия на содержание сирот, а в следующем году под угрозой закрытия оказались действовавшие при приютах школы и ремесленные мастерские, признанные властями второстепенной статьёй расходов [16, л. 48]. В результате многие учреждения оказались на грани финансового краха.

В этих условиях представители западноармянского беженства предприняли попытку централизовать управление гуманитарной деятельностью. В мае 1917 г. Первый съезд западных армян принял решение о создании «Главного совета армянских беженских организаций», призванного координировать работу всех структур, занимавшихся проблемами беженцев и сирот [7, с. 2]. В состав совета вошли представители «Кавказского армянского сельскохозяйственного общества», КАБО, МАК, КБП и АЦК, а также делегаты Западноармянского национального совета. Его создание было направлено на согласование деятельности основных благотворительных организаций и предотвращение дублирования функций.

На первом заседании были распределены основные направления работы. Вопросы сельскохозяйственного устройства беженцев были переданы Кавказскому армянскому сельскохозяйственному обществу, снабжение продовольствием — КАБО, а управление сиротскими учреждениями — АЦК, МАК и КБП. Одновременно Западноармянский национальный совет взял на себя ответственность за образование, профессиональную подготовку и дальнейшее попечение примерно о 1.000 сирот старше 14 лет. Небольшим благотворительным организациям было рекомендовано либо передать свои учреждения крупным структурам, либо действовать под их непосредственным контролем [7, с. 2].

Образовательно-воспитательная работа сиротских учреждений и социальная реабилитация западноармянских сирот

1917 г. система армянского сиротского призрения вступила в новый этап развития, когда разрозненные и зачастую изолированные инициативы постепенно сменялись более централизованными и координированными механизмами управления. Однако для полноценной оценки этой системы необходимо учитывать не только её организационную структуру и источники финансирования, но и идеологические, образовательно-воспитательные и национально-сохраняющие цели, лежавшие в основе её деятельности. В этом контексте сиротские учреждения, созданные после Геноцида, следует рассматривать не только как формы благотворительной и гуманитарной помощи, но и как важные институты национального восстановления, социальной реинтеграции и воспроизводства коллективной идентичности. Соответственно, анализ их исторической роли требует изучения представлений благотворительных организаций о задачах образования, профессиональной подготовки, нравственного вос-

питания и сохранения национальной идентичности армянских сирот, а также их места в процессе послевоенной реконструкции армянского общества.

В годы войны в армянской общественной среде отсутствовало единое понимание роли сиротских учреждений. Часть организаций и общественных деятелей рассматривала их исключительно как временные приюты, предназначенные для обеспечения физического выживания детей, оставшихся без родителей в результате военных действий и депортаций. Сторонники этого подхода полагали, что после окончания войны и стабилизации обстановки беженцы и сироты смогут вернуться в родные места, вследствие чего необходимость в приютах отпадёт. В рамках такой концепции вопросы образования, профессиональной подготовки и воспитания считались второстепенными.

Однако затяжной характер войны и углубление кризиса показали несостоятельность подобных представлений. Число сирот продолжало расти, а перспективы их возвращения оставались неопределёнными. В этих условиях стало очевидно, что сиротское призрение не может ограничиваться лишь обеспечением физического выживания. Возникла необходимость в организации образования, профессионального обучения, нравственного воспитания и социальной интеграции детей.

Постепенно сиротские учреждения перестали быть исключительно гуманитарными приютами и превратились в ключевые центры социальной реабилитации, образовательного формирования и национального восстановления детей, переживших геноцид. Они не только обеспечивали их содержание и выживание, но и способствовали социальной адаптации, сохранению национального самосознания и восстановлению общинной жизни. В этом смысле сиротские дома можно рассматривать как важнейшие институты постгеноцидного восстановления, что соответствует наблюдению Л. Экмекчиоглу о приоритетности задач реинтеграции и реконструкции коллективной идентичности армянских общин в постгеноцидный период [29, сс. 18–19].

Для тысяч детей сиротские учреждения стали единственной средой, где они могли не только выжить в условиях голода и болезней, но и получить начальное образование, профессиональные навыки и базовые знания для дальнейшей социальной жизни. Фактически в годы войны эти учреждения взяли на себя функции семьи, школы и общины.

Однако реализация этой миссии сталкивалась с серьёзными препятствиями, главным из которых оставался острый дефицит профессиональных кадров. По свидетельству Г. Эдильяна, около 80% руководителей и сотрудников армянских сиротских учреждений не имели необходимой педагогической подготовки [5, с. 442]. Подобные проблемы были характерны не только для Закавказья, но и для армянских приютов на территории Османской империи, что указывает на их системный характер и связь с послевоенной кризисной ситуацией. Как отмечает Л. Экмекчиоглу, в постгеноцидный период сиротские учреждения функционировали в условиях ограниченных материальных и человеческих ресурсов, что неизбежно приводило к организационным трудностям [29, с. 14].

Особую тревогу вызывали применяемые воспитательные практики. Во многих случаях они основывались на жёстких дисциплинарных и карательных методах, нередко противоречивших элементарным педагогическим нормам. Периодическая печать фиксировала подобные случаи; так, М. Киракосян описывает эпизод, когда трёхлетнего ребёнка, опоздавшего к приёму пищи, ставили на колени и лишали еды [9, сс. 103–111]. Эти свидетельства указывают, что наряду с материальными трудностями существовали серьёзные педагогические и морально-психологические проблемы.

В этих условиях более активную позицию заняли представители западноармянской общественности. Они настаивали на расширении участия западных армян в организации сиротского дела, полагая, что воспитание и образование детей, переживших геноцид, должны осуществляться людьми, разделяющими их исторический опыт и культурную среду. По их мнению, сироты не должны были быть оторваны от своих языковых и культурных корней; напротив, приюты следовало превращать в центры сохранения национального самосознания. Эти требования были обусловлены и кадровой диспропорцией: из 51 действовавшего приюта 39 управлялись представителями восточноармянской среды [5, с. 46].

Создание Западноармянского национального совета в 1917 г. позволило придать этим требованиям институциональный характер. Совет активизировал работу в сфере образования, обеспечив вовлечение более половины из примерно 8.000 воспитанников в учебные программы, а также предпринял меры по подбору педагогических кадров и координации воспитательной работы. Эти шаги способствовали не только повышению уровня грамотности, но и укреплению национального самосознания детей и их последующей социальной интеграции.

Одной из наиболее сложных задач оставалась судьба сирот старше 14 лет. Их обучение и подготовка к самостоятельной жизни требовали значительных ресурсов и долгосрочной стратегии. Западноармянский национальный совет организовал систему специализированных учреждений, сосредоточив около 1.000 подростков в приютах Еревана и Александрополя [9, с. 109]. Эти учреждения были ориентированы не только на предоставление убежища, но и на профессиональную подготовку, прежде всего через ремесленное и сельскохозяйственное обучение, что должно было обеспечить выпускникам экономическую самостоятельность и полноценную интеграцию в общество.

Реализация программ Западноармянского национального совета столкнулась с многочисленными трудностями. Значительная часть запланированных ремесленных мастерских и учебных центров так и не была открыта, а действовавшие учреждения, не имея устойчивой финансовой базы, не смогли достичь поставленных целей. Постоянный дефицит средств, отсутствие координации и доверия между различными организациями, а также политическая нестабильность 1917–1918 гг. существенно ограничили эффективность реализуемых инициатив. В результате не только не удалось существенно улучшить состояние системы сиротского призрения, но и в ряде случаев были утрачены достижения, созданные в 1915–1917 гг.

Вместе с тем оценка этих недостатков требует учёта объективных условий эпохи. Первая мировая война и Геноцид армян привели к крайне тяжёлой социально-экономической ситуации в Восточной Армении и Закавказье. Присутствие около 250 тыс. беженцев, острый жилищный кризис, нехватка продовольствия и общий экономический спад значительно осложняли организацию помощи сиротам. В таких условиях обеспечение приютов зданиями, одеждой, питанием и образованием нередко становилось практически неразрешимой задачей.

Большинство сиротских учреждений создавалось в спешном порядке, без достаточного организационного опыта и материально-технической базы. Это было обусловлено как дефицитом времени, так и стремительным ростом числа сирот. Если в начале 1915 г. в приютах находилось около 2 тыс. детей, то уже через год их число достигло 4,5–5 тыс. Быстрое увеличение числа воспитанников оказывало серьёзное давление на существующую систему призрения [12, с. 10].

Одной из первоочередных проблем оставался вопрос обеспечения сиротских учреждений подходящими помещениями. Приюты должны были быть оснащены питьевой водой,

канализацией, прачечными и минимальными санитарно-гигиеническими условиями. Однако на практике ситуация существенно отличалась от нормативных требований. Организации вынуждены были использовать бывшие казармы, школьные здания, дачи и иные случайные постройки, не предназначенные для постоянного проживания. Так, в Дилижане лишь один из 16 сиротских домов размещался в каменном здании, тогда как остальные находились в деревянных дачах, не обеспечивавших необходимого теплового режима в зимний период [9, с. 108].

Постоянный рост числа сирот приводил к хронической перенаселённости. Во многих учреждениях в одной комнате размещалось в два–три раза больше детей, чем предусматривалось нормами. Согласно действующим правилам, в одном приюте не должно было содержаться более 50 воспитанников, однако к 1916 г. лишь около 20 учреждений соответствовали этому требованию [5, с. 40]. Подобная скученность, в сочетании с нехваткой воды и неудовлетворительными санитарными условиями, способствовала распространению инфекционных заболеваний.

Не менее острой была проблема питания. Государственное пособие в размере 15 руб. на ребёнка в месяц часто не покрывало даже минимальных потребностей. В этих условиях большинство благотворительных организаций постоянно испытывало необходимость в поиске дополнительных средств. В этом отношении выделялся МАК, которому благодаря пожертвованиям, благотворительным концертам и общественным сборам удалось значительно улучшить материальное положение подведомственных учреждений. В приютах МАК дети получали питание 3–4 раза в день, включая мясные блюда 2–4 раза в неделю, что считалось редкостью для данного периода [2, с. 809–812].

В кризисных условиях особое значение приобретало рациональное и контролируемое распределение ограниченных ресурсов, однако на практике это не всегда соблюдалось административными структурами. Так, в первом сиротском доме Комитета братской помощи в Эчмиадзине сохранялся избыточный штат обслуживающего персонала, функции которого (уборка, мытьё посуды и др.), по свидетельству управляющей, могли бы эффективно выполнять старшие воспитанники, одновременно получая трудовое воспитание [8, с. 4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Проведённое исследование показало, что в 1914–1917 гг. в Закавказье сформировалась многоуровневая и относительно организованная система призрения западноармянских сирот, которая в условиях гуманитарной катастрофы, вызванной Геноцидом армян, стала одним из ключевых механизмов обеспечения физического выживания, образования и сохранения национальной идентичности тысяч детей. Комплексный анализ архивных документов, периодической печати и историографии позволил реконструировать организационную структуру системы сиротского призрения, выявить особенности деятельности вовлечённых в неё общественных, благотворительных и национальных организаций, а также оценить их возможности и ограничения.

Одним из существенных результатов является обоснование того, что армянские сиротские учреждения в Закавказье не ограничивались функциями благотворительной помощи. В ходе своего развития они трансформировались в центры социальной реабилитации, образовательной работы и сохранения национальной идентичности, выполняя одновременно гуманитарные, педагогические и социокультурные функции. В этом контексте сформировавшуюся систему можно рассматривать как раннюю форму постгеноцидного восстановления (post-genocide recovery), способствовавшую не только обеспечению базовых потребностей сирот, но и восстановлению армянской общинной жизни. Несмотря на финансовые, организационные и кадровые трудности, армянским благотворительным структурам удалось

создать сеть из примерно шестидесяти приютов, в которых к концу 1916 г. находилось около 8000 детей.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые системно проанализирована не деятельность отдельных учреждений, а вся система западноармянского сиротского призрения в Закавказье в её институциональном единстве — с учётом механизмов управления, источников финансирования, образовательной политики и социальных функций. Установлено, что основные проблемы системы были обусловлены не только дефицитом материальных ресурсов, но и отсутствием единого центра управления, профессиональных кадров и целостной образовательной стратегии.

С историко-историографической точки зрения исследование подчёркивает значение социального измерения последствий Геноцида армян, показывая, что организация помощи сиротам стала важным проявлением самоорганизации, национальной солидарности и восстановительных процессов в армянском обществе. Таким образом, система сиротского призрения в Закавказье должна рассматриваться не только как гуманитарный институт, но и как важный компонент постгеноцидной реконструкции, общественного переустройства и обеспечения национальной преемственности [32, сс. 122–123; 29, сс. 9–10].

Б и б л и о г р а ф и я

1. Ազատեան Լ. Հայ որբերը Մեծ եղեռնի: Լոս Անճերս: 1966: 400 էջ:
2. Այվազեան Պ. «Տեղեկագիր Դիլիջանի փախստականների որբանոցների»: Համբաւարեր շաբաթաթերթ: Թիֆլիս: 1916: N 26:
3. «Բնակարաններ գաղթականների համար»: Հորիզոն օրաթերթ: Թիֆլիս: 1915: N 209:
4. Դժնուն Գուրգէն. «Երեւանի որբերու կրթականը անցեալի մէջ»: Ժողովուրդ թերթ: Երեւան: 1918: N 37:
5. Էդիլեան Գ. Գաղթականական որբանոցներ: Թիֆլիս: «Տպ. Էպօխա»: 1917: 48 էջ:
6. Թայիրյան Ա. Վասիլ Թայիրով: Երեւան: «Հայաստան» հրատ.: 1991: 88 էջ:
7. Լ.Թ. «Թուրքահայ շաբաթ»: Հայաստան օրաթերթ: Թիֆլիս: 1917: N 115:
8. «Լուրեր»: Աշխատանք թերթ: Երեւան: 1916: N 26:
9. Կիրակոսյան Մ. Որբականամ գործի սկզբնավորումն Արեւելյան Հայաստանում և Անդրկովկասում (1915-1917թթ.) // «Հայոց ցեղասպանության պատմության և պատմագրության հարցեր»: Երեւան: 2006: Թիվ 12: 103-111 էջեր:
10. Հայաստանի ազգային արխիվ (ՀԱԱ): Փոնդ 28: Ցուցակ 1: Գործ 161:
11. ՀԱԱ: Փոնդ 28: Ցուցակ 1: Գործ 506:
12. ՀԱԱ: Փոնդ 28: Ցուցակ 1: Գործ 602:
13. ՀԱԱ: Փոնդ 28: Ցուցակ 1: Գործ 618:
14. ՀԱԱ: Փոնդ 50: Ցուցակ 1: Գործ 165:
15. ՀԱԱ: Փոնդ 239: Ցուցակ 1: Գործ 3:
16. ՀԱԱ: Փոնդ 239: Ցուցակ 1: Գործ 4:
17. ՀԱԱ: Փոնդ 239: Ցուցակ 1: Գործ 26:
18. ՀԱԱ: Փոնդ 240: Ցուցակ 1: Գործ 1:
19. ՀԱԱ: Փոնդ 472: Ցուցակ 1: Գործ 86:
20. Հայրապետյան Ա. 1914-1918թթ. Արեւսանդրասպորի գաղաւթում հաստատուած գաղթականութեան խնդիրների լուսարանումն արեւելահայ մամուլում // «Հանդէս ամսօրեայ», հայագիտական ուսումնաթերթ: Վիեննա-Երեւան: 2017: ՃԼԱ տարի: Թիւ 1-12: Յունուար-դեկտեմբեր: 341-364 էջեր:
21. Հայրապետյան Ա., Աղամյան Ն. Դրվագներ բրիտանական և հայկական բարեգործական կազմակերպությունների համագործակցության պատմությունից (1915-1917 թթ.) // ՀՀ ԳԱԱ ՇՀՀ կենտրոնի «Գիտական աշխատություններ»: Գյումրի: 2025: 2(28): 66-79 էջեր:

22. Հարությունյան Ա. Հայոց Մեծ եղեռնը և հայ գաղթականությունը Կովկասում 1914-1916 թթ. // «Հայոց ցեղասպանության պատմության և պատմագրության հարցեր»: Երևան: 2002: Թիվ 6: 19-31 էջեր:
23. Մ.Պ. «Գաղթականություն. Որբանոցները»: Հայաստան օրաթերթ: Երևան: 1917: N 107:
24. «Ներքին տեսություն. Լրատու»: Հորիզոն օրաթերթ: Թիֆլիս: 1915: N 195:
25. Սարգսյան Տ. Հայոց ցեղասպանությունը Օսմանյան Թուրքիայում և Մեծ Բրիտանիան (1915-1918թթ.): Երևան: «ՀՀ ԳԱԱ ՀՅԹ»: 2005: 202 էջ:
26. Վարդանյան Ս. «Տունը մարդկանցով է կանգուն»: Գրական թերթ: Երևան: 1987: N 12:
27. Богдасарян Р. Геноцид и армянская интеллигенция России. Ереван; Изд-во «Гитутюн». 2003. 255 с.
28. Buxton Harold. 'Armenian Refugees (Lord Mayor's) Fund' // Ararat. A Searchlight on Armenia. London. 1917. vol. V. № 51, 125-126 pp..
29. Ekmekcioglu L. *Recovering Armenia: The Limits of Belonging in Post-Genocide Turkey*. Stanford. California. «Stanford University Press». 2016. 240 p.
30. Maksudyan N. *Orphans and Destitute Children in the Late Ottoman Empire*. Syracuse. Syracuse University press. 2014. XVIII+232 p.
31. Robinson J. Emily. 'The Armenian Red Cross and Refugee Fund' // Ararat. A Searchlight on Armenia. London. 1915. vol. II. № 19. 244-248 pp.
32. Watenpaugh Keith David. *Bread from Stones: The Middle East and the Making of Modern Humanitarianism*. California. «University of California Press». 2015. 272 p.

References

1. Azadian L. Armenian Orphans of the Great Genocide [*Hay vorbery Mets yegherrni*]. Los Angeles. 1966. 400 p. (in Armenian)
2. Ayyazyan P. Newsletter of the Dilijan Refugee Orphanages [*«Teghekgir Dilijani p'akhstakanneri vorbanots'neri»*]. Hambavaber weekly. Tbilisi. 1916. N 26. (in Armenian)
3. 'Apartments for Migrants' [*Bnakaranner gaght'akanneri hamar»*]. Horizon Daily. Tiflis. 1915. N 209. (in Armenian)
4. Dzhhun Gurgen. 'The Education of Yerevan Orphans in the Past' [*«Yerevani vorberu krt'akany ants'eali mej»*]. Zhoghovurd Newspaper. Yerevan. 1918. No. 37. (in Armenian)
5. Edilyan G. Emigrant orphanages [*Gaght'akanakan vorbanots'ne*]. Tbilisi. Epokha Publishing House. 1917. 48 p. (in Armenian)
6. Taiiryan A. Vasil Taiirov [*Vasil T'ayirov*]. Yerevan. Hayastan Publishing House. 1991. 88 p. (in Armenian)
7. L.T. 'Turkish-Armenian Week' [*«T'urk'ahay shabat'»*]. Armenia Daily. Tbilisi. 1917. N 115. (in Armenian)
8. 'News' [*Lurer»*]. Ashxatanq newspaper. Yerevan. 1916. N 26. (in Armenian)
9. Kirakosyan M. The Origin of the Orphanage Case in Eastern Armenia and Transcaucasia (1915-1917) [*Vorbakhnam gorts skzbnavorumn Arevelyan Hayaatanum yev Andrkovkasum (1915-1917t't')*]. // «Issues of the History and Historiography of the Armenian Genocide». Yerevan. 2006. No. 12. 103-111 pp. (in Armenian)
10. National Archives of Armenia [*Hayastani azgayin arkhiv (HAA)*]. Fund 28. List 1. File 161. (in Armenian)
11. NAA [*HAA*]. Fund 28. List 1. File 506. (in Armenian)
12. NAA [*HAA*]. Fund 28. List 1. File 602. (in Armenian)
13. NAA [*HAA*]. Fund 28. List 1. File 618. (in Armenian)
14. NAA [*HAA*]. Fund 50. List 1. File 165. (in Armenian)
15. NAA [*HAA*]. Fund 239. List 1. File 3. (in Armenian)
16. NAA [*HAA*]. Fund 239. List 1. File 4. (in Armenian)
17. NAA [*HAA*]. Fund 239. List 1. File 26. (in Armenian)
18. NAA [*HAA*]. Fund 240. List 1. File 1. (in Armenian)
19. NAA [*HAA*]. Fund 472. List 1. File 86. (in Armenian)

20. **Hayrapetyan, A.** 1914-1918. Coverage of the problems of emigration established in the province of Alexandrapol in the Eastern Armenian press [1914-1918t't'. *Alek'sandrapoli gavarrum hastatuats gaght'akanut'ean khndirneri lusabanumn arevelahay mamulum*]. // «Handes amsoreay». Armenological academic journal. Vienna-Yerevan. 2017. 2017 year. No. 1-12. January-December. 341-364 pp. (in Armenian)
21. **Hayrapetyan, A., Adamyan, N.** Episodes from the history of cooperation between British and Armenian charitable organizations (1915-1917) [*Drvagner britanakan yev haykakan baregortsakan kazmaker-put'yunneri hamagortsaks'ut'yan patmut'yunits' (1915-1917 t't')*]. // "Scientific Works" of SCAS NAS RA. Gyumri. 2025. N 2(28). 66-79 pp. (in Armenian)
22. **Harutyunyan, A.** The Armenian Genocide and Armenian Migration in the Caucasus in 1914-1916. [*Hayots' Mets yegherrny yev hay gaght'akanut'yuny Kovkasum 1914-1916 t't'*]. // «Issues of the History and Historiography of the Armenian Genocide». Yerevan. 2002. No. 6. 19-31 pp.. (in Armenian)
23. **M.P.** 'Emigration. Orphanages' [*Gaght'akanut'iwn. Vorbanots' nery*]. Hayastan Daily. Yerevan. 1917. N 107. (in Armenian)
24. 'Internal Theory. Newsletter' [*Nerk'in tesut'iwn. Lratu*]. Horizon Daily. Tbilisi. 1915. N 195. (in Armenian)
25. **Sarukhanyan, T.** The Armenian Genocide in Ottoman Turkey and Great Britain (1915-1918) [*Hayots' ts'eghaspanut'yuny Osmanyanyan T'urk'iaiyum yev Mets Britanian (1915-1918t't')*]. Yerevan. Armenian Genocide Museum-Institute of NAS RA. 2005. 202 p. (in Armenian)
26. **Vardanyan, S.** 'The House Stands with People' [*Tuny mardkants'ov e kangun*]. Grakan Newspaper. Yerevan. 1987. No. 12. (in Armenian)
27. **Bogdasaryan, R.** Genocide and the Armenian intelligentsia of Russia [Genotsid i armyanskaya intelligentsiya Rossii]. Yerevan; Gitutyun Publishing House. 2003. 255 p. (in Russian)
- 28. - 32. See the Armenian reference list (in English)**

Ընդունվել է / Receive on: **21. 05. 2026**

Գրախոսվել է / Reviewed on: **10. 06. 2026**

Հանձնվել է տպ. / Accepted for Pub: **12. 08. 2026**

Տեղեկություններ հեղինակի մասին

Արմեն Սերգոյի ՀԱՅՐԱՊԵՏՅԱՆ՝ պատմական գիտությունների թեկնածու,
ԳԱԱ Ծիրակի հայագիտական հետազոտությունների կենտրոնի տնօրեն, Գյումրի,
ԳԱԱ պատմության ինստիտուտի ավագ գիտաշխատող, Երևան,
Ծիրակի պետական համալսարանի պատմ. և իրավունքի ամբիոնի դոցենտ, Գյումրի, ՀՀ,
Էլ. հասցե՝ a.hayrapetyan@shirakcenter.sci.am orcid.org/0000-0003-1051-5078

Armen Sergo HAYRAPETYAN: PhD in History,
Director of the Shirak Center for Armenological Studies of NAS RA,
Senior Researcher at the Institute of History of NAS RA,
Associate Professor of Shirak State University after M. Nalbandyan, Gyumri, RA,
e-mail: a.hayrapetyan@shirakcenter.sci.am/orcid.org/0000-0003-1051-5078